

Лексические ограничения на альтернативное падежное маркирование тематических ролей в древнем индоарийском (ДИА)

Теория много-многозначных соответствий между тематическими ролями и падежными маркерами была разработана для санскрита древнеиндийским лингвистом Панини в V в. до н.э. Отметив в своей грамматике «Восьмикнижие», в частности, ряд случаев, когда одна и та же роль, имплицитруемая данным предикатом, маркировалась варьирующимися падежно-числовыми показателями, Панини не дал никаких семантических интерпретаций подобным феноменам. Настоящий доклад и являет собой попытку до некоторой степени восполнить соответствующие пробелы в описании древнеиндийского морфосинтаксиса.

В ДИА аккузатив обычно соотносился с Пациентом, а датив – с Бенефактивом полиактантных глаголов. Но в сутре 2.3.12 своей грамматики Панини указал, что Цель (Goal) при глаголах движения (типа *gam-* «идти») маркируется «2-ой» или «4-ой» падежно-числовыми «тройками» аффиксов (т.е. либо аккузативом, либо дативом). Например, '*grāma-m* (акк.)/ *grām-āya* (дат.) *gacchati*' «(Он) идет в деревню/к/по деревне». Суть альтернатики Панини не раскрыл, но из текстов и пояснений комментаторов следует, что аккузатив использовался в случаях, когда говорящий подразумевал сосредоточенность на одной, ясно сформулированной цели, тогда как датив необязательно предполагал целенаправленное движение: '*grām-āya* (дат.) *gam-*' могло означать и «идти, (меняя маршрут движения) по деревне», и «идти по направлению к деревне (необязательно добираясь до конечной точки)» - сравни: '*dev-ām* (акк. мн.) *id e-ṣi*' (RV I.162.21) «К богам направляешься!» (говорится приносимому в жертву коню) ↔ '*yayatuḥ sva-niveś-āyo* (дат.ед.) -*bhe bale*' (Kathāsaritsāgara 47.92) «Двинулись в направлении к своим стоянкам обе армии (но автор речи не гарантирует, что армии дошли до них)».

Сходное варьирование аккузатива и датива имело место и при оформлении комплемента глагола *man-* «полагать, считать», при этом были задействованы оппозиции «одушевленности» и «гонорифичности»: в случаях, когда референтом комплемента являлась неодушевленная ИГ или когда говорящий ставил целью обозначить неуважение к собеседнику, комплемент оформлялся дативом: '*tvā-m* (акк.) *tṛṇ-āya* (дат.) *manye*' «(Я) считаю тебя травой (подобным траве)». При одушевленности ИГ комплемента или подчеркивании уважения употреблялся аккузатив, и, т.к. пациент также неизменно требовал оформления аккузативом, итоговая конструкция представляла как «двуобъектная»: '*na tvā-m* (акк.) *śRgāla-m* (акк.) *manye*' «(Я) не считаю тебя шакалом».

В ведийском Адресат трехместных глаголов просьбы или вопроса оформлялся аккузативом, а Цель – дативом или также аккузативом (в последнем случае имела место «двуобъектная» конструкция). Различие падежей Цели обуславливалось семантикой: в случае датива имплицитировалось частичное обретение референта или лишь некий «подступ» к нему, а употребление аккузатива предполагало наличие четко определенной цели и плана реализации задуманного – сравни: '*vāsu-bhyo* (дат. мн.) *dasmā-m* (акк.ед.) *īmahe*' (RV I.42.10) «О благах/по поводу благ (мы) просим Удивительного» ↔ '*vāsū-ni* (акк. мн.) *dasmā-m īmahe*' «Блага (мы) выпрашиваем (у) Удивительного». В санскрите в подобных контекстах альтернативное использование падежей для Цели было редкостью, и Цель, как правило, маркировалась дативом.

Иное распределение альтернирующих падежных маркеров регулярно имело место при оформлении Средства при трехместных глаголах важнейшего в культурологическом отношении семантического поля «жертвоприношение» - таких, как *hu-* «почитать; вызывать на жертву» или *yaj-* «приносить жертву»: Адресат неизменно маркировался аккузативом, но для Средства использовался либо инструментальный падеж, либо тот же аккузатив. Различавшиеся падежи предполагали расхождения в семантике предиката,

аналогичные тем, что дифференцировали значения для русского «жертвовать». - При значениях «добровольно отдать, подарить; умышленно позволить забрать что-то ради последующего тактического выигрыша» употреблялся аккузатив, в случаях же значений «не пощадить кого-то/чего-то; отказаться от кого-либо/чего-либо дорогого» использовался инструментальный падеж: *yavāgū-m* (акк.) *agnihotra-m* (акк.) *juhōti* «(Он) жертвует старшему жрецу рисовую кашу» ↔ *yavāgv-ā* (инс.) *agnihotra-m* (акк.) *juhōti* «(Он) жертвует рисовой кашей (ради) старшего жреца».

Иное семантическое различие предполагалось при варьировании маркирующих Тему глагола *div-* «играть» аккузатива и инструментального падежа: первый указывал на целенаправленную игру по правилам: *‘akṣā-ṇi* (акк. мн.) *dīvyati* ‘играет в кости (следуя правилам игры)», второй – на бесцельную игру-развлечение *‘akṣ-air* (инс. мн.) *dīvyati* ‘(развлекается), играя костями» - ср. аналогичное противопоставление в русском языке.

Глаголы «жертвования» (типа *yaj-*) или «приглашения на жертву» (типа *anu-brū-* «звать (на жертвоприношение)») были также главным полигоном для экспликации столь частого в и.-е. языках (в том числе, русском) противопоставления «целое – часть»: аккузатив при ИГ Средства указывал на «целое», генитив/партитив – на «часть целого»: *‘sōma-sya* (ген.) *tvā* (акк.) *yakṣi*’ (RV III.53.2) «(Я) принесу тебе в жертву сомы (= часть галлюциногена)» ↔ *‘sōma-m* (акк.) *tvā* (акк.) *yak-ṣ-i*’ «(Я) пожертвую тебе сому (весь галлюциноген целиком)». Близкую к данной семантическую оппозицию следует усматривать и в случаях отмеченного Панини (в сутре 2.3.52) варьирования аккузатива и генитива при Адресате глаголов типа *smR-* «помнить»: *‘mātar-am* (акк.) *smarati*’ «(Он) помнит/вспоминает мать (= воспроизводит в памяти образ матери в полном объеме)» ↔ *‘māt-uh* (ген.) *smarati*’ «(Он) помнит/вспоминает о матери (=воспроизводит в памяти отдельные детали образа матери или ее затуманенный абрис)».

Одним из наиболее примечательных в культурологическом отношении примеров падежного варьирования являются случаи использования аккузатива или локатива при обозначенном одушевленным именем женского рода. Стимуле глаголов типа *snih-* «любить, чувствовать влечение»; соотносимый с ролью Экспериенцера второй актанта, представленный одушевленным именем мужского рода, в таких контекстах всегда маркируется номинативом: *‘rājā* (ном.) *snihyati sītā-m*’ (акк.) ‘«Царь любит (= испытывает привязанность) к Сите» ↔ *‘rājā* (ном.) *snihyati sītā-yām* (лок.)’ «Царь любит (чувственно) Ситу (букв. «в Сите»)». Сходное варьирование наблюдается при маркировании Бенефактива глагола *jan-* «рождаться»: при соотнесенности с ролью Бенефактива обоих родителей актанта «отец» маркируется генитивом/партитивом (реже – аблативом), актанта «мать» - только локативом (Тема при этом неизменно обозначается номинативом): *‘vāsudeva-sya* (ген.)/ *vāsudev-āt* (абл.) *devy-ām* (лок.) *putr-o* (ном.) *jajñe*’ «У Васудевы (букв. «Васудевы/от Васудевы) в Девы родился сын» = «Девы родила сына Васудеве».

Более подробно случаи варьирования падежей при маркировании тематических ролей будут рассмотрены в моем докладе на конференции.